

13. Иманбаева А.А. Қазақстан Республикасындағы саяси коммуникация: ерекшеліктері мен проблемалары. Саяси ғыл. канд. дисс. – Алматы, 2010. – 153 б.

Уали. А.К., Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилёва, исторический факультет, гр. АЭ-23, студент
(Научный руководитель – к.и.н., Каженова Г.Т.)

КОЧЕВОЕ ХОЗЯЙСТВО КАЗАХОВ КАК СИСТЕМА АДАПТАЦИИ И ВЫЖИВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СТЕПНОЙ СРЕДЫ

Работа выполнена в рамках проекта АР26103039 «Казахское кочевое население Степного края в годы гражданского противостояния (1918–1921 гг.): стратегии выживания».

Степь не прощала неподвижности. В условиях резко континентального климата, скудных осадков и неравномерного распределения кормовой базы выживание было возможно лишь при постоянном движении. Именно поэтому кочевое хозяйство казахов сформировалось как особая система адаптации к природной среде, где мобильность была не просто образом жизни, а необходимым условием существования. Перемещаясь вслед за сменой сезонных пастбищ, кочевники сохраняли продуктивность угодий и обеспечивали устойчивость своего хозяйства [1, с. 57–60].

Природа степи диктовала свои строгие правила. Трава появлялась и сохранялась в разных районах неравномерно: весной – в одних местах, летом – в других, а осенью – в третьих. В одних зонах она быстро выгорала, в других держалась дольше. В таких условиях длительное использование одних и тех же пастбищ неизбежно приводило к их истощению, поэтому перекочёвки становились жизненной необходимостью [2, с. 16–17]. Ситуацию осложняли природные бедствия, прежде всего джун, который мог за короткое время погубить значительную часть скота. Это заставляло кочевников заранее продумывать маршруты и искать запасные пастбища [3, с. 348–350].

Различия природных условий определяли и формы кочевой мобильности. В горных районах преобладали сезонные перемещения вверх и вниз по склонам, тогда как в степных регионах — дальние переходы между равнинными пастбищами. Их сочетание позволяло использовать разные природные зоны и снижать нагрузку на пастбища [1, с. 63]. В результате кочевое хозяйство представляло собой гибкую систему, в которой мобильность обеспечивала не только выживание, но и сохранение природного равновесия.

Традиционная система сезонных пастбищ — көктеу (весна), жайлау (лето), күзеу (осень), қыстау (зима) — представляла собой чётко выстроенную модель распределения нагрузки на природные ресурсы. Она не была случайным набором стоянок, а складывалась на протяжении веков как наиболее эффективная форма хозяйствования в условиях резкой сезонности степного климата. Именно такая организация позволяла поддерживать устойчивость хозяйства при минимальном воздействии на окружающую среду [1, с. 63].

Зима была самым тяжёлым этапом хозяйственного цикла. Поэтому зимние стоянки — қыстау — размещались в наиболее защищённых местах: в ущельях, балках, низинах, вдоль рек, где можно было укрыться от ветров и глубокого снега. Эти участки имели особую ценность, закреплялись за родами и передавались по наследству [2, с. 21].

Весна считалась наиболее уязвимым периодом, когда риск падежа скота был особенно высок. В это время көктеу выбирались там, где раньше всего появлялась свежая трава – в низинах, по долинам рек, на хорошо прогреваемых склонах. Здесь было важно соблюдать осторожность: чрезмерный выпас мог быстро истощить пастбища и подорвать основу хозяйства [5, с. 82–83].

Летние пастбища – жайлау – располагались в более благоприятных природных зонах: в горах, предгорьях и северных районах, где сохранялась влага, была гуще трава и больше водных источников. Именно здесь скот набирал силу, увеличивалась его продуктивность, создавались запасы, необходимые для зимовки [2, с. 22]. Лето становилось и временем социальной активности: проводились родовые собрания, праздники, свадебные обряды и состязания [3, с. 349–350].

Осенние пастбища – күзеу – играли подготовительную роль. В этот период животные накапливали жир, который становился главным ресурсом выживания зимой. Поэтому күзеу располагались в районах с ещё сохраняющейся питательной травой и более мягкими климатическими условиями после летней жары [6, с. 77].

Такая система сезонного использования пастбищ позволяла степной растительности естественным образом восстанавливаться: при чередовании выпаса она возвращалась к прежнему состоянию уже в течение одного цикла, тогда как постоянное использование одних и тех же угодий приводило к их истощению всего за несколько лет [11, с. 63–64]. Благодаря этому минимизировалось вытаптывание, сохранялась структура почвы и поддерживалось разнообразие растительного покрова [5, с. 80–83]. В этом и проявлялась экологическая рациональность кочевого хозяйства: оно было не просто приспособлением к природе, а продуманной системой взаимодействия с ней, где каждое сезонное перемещение имело своё значение и обеспечивало устойчивость как хозяйства, так и самой степной экосистемы.

Наряду с кочевым скотоводством в хозяйственной системе казахов существовали и дополнительные виды деятельности, которые играли важную поддерживающую роль. Они не заменяли основное хозяйство, но делали его более устойчивым в условиях природной нестабильности, нехватки кормовых ресурсов и

периодических кризисов. Благодаря им кочевое общество могло легче переносить неблагоприятные годы и быстрее приспосабливаться к изменениям окружающей среды.

Охота и рыболовство занимали в этой системе вспомогательное, но достаточно устойчивое место. Их значение во многом зависело от состояния природной среды: уже к концу XIX – началу XX века сокращение численности пушных животных привело к снижению роли охоты [3, с. 366]. Это свидетельствует и о постепенном уменьшении нагрузки на природные ресурсы. Тем не менее охота продолжала использоваться, особенно в восточных и юго-восточных регионах, обеспечивая население не только продовольствием, но и сырьём для одежды и быта. Применялись разнообразные способы добычи – от ловушек и сетей до петель [7, с. 245].

Рыболовство было распространено главным образом на юге и в районах крупных водоёмов. Оно основывалось на простых приёмах, которые не наносили серьёзного ущерба природным ресурсам. Лишь к концу XIX века, под влиянием русских поселений, начинает расширяться сетевой лов. Чаще всего рыболовство усиливалось среди беднейших слоёв населения и выступало своего рода «страховкой» в периоды снижения продуктивности скотоводства [3, с. 365].

Земледелие развивалось преимущественно в южных, юго-восточных и восточных регионах Казахстана, особенно в Семиречье [8, с. 35]. Существовали как поливные (суармалы егін), так и богарные (шөлегін) формы земледелия, приспособленные к местным условиям [8, с. 33–37]. Оно выполняло важную компенсаторную функцию, помогая переживать годы джута и недостатка кормов [1, с. 59–60]. Выращивались зерновые культуры, лен, конопля, развивались садоводство и бахчеводство [9, с. 11]. Иригация строилась на основе простой, но эффективной арычной системы, позволявшей рационально использовать воду без сложных технических сооружений [10, с. 151].

Нередко к земледелию обращались кочевники, утратившие скот в результате джута [11, с. 112]. В первой половине XIX века основными земледельцами были жатаки, однако со временем земледелие и сенокосение начали распространяться и среди более обеспеченных слоёв. При улучшении положения многие стремились вернуться к кочевому образу жизни, оставляя пашню [12, с. 54]. В то же время часть хозяйств переходила к оседлости, включаясь в экономическую жизнь русских поселений – как наёмные работники или самостоятельные земледельцы [13, с. 21].

Особое значение в хозяйственной системе имело рациональное водопользование. В условиях засушливого климата вырабатывались чёткие правила обращения с водой: соблюдалась очередность водопоя, ограничивалось длительное пребывание у одного источника, предусматривались периоды его восстановления [3, с. 349]. Сама кочевая мобильность способствовала снижению нагрузки на водоёмы и прибрежную растительность [2, с. 29–32]. Использование колодцев, талых вод и сезонных водотоков позволяло гибко распределять ограниченные водные ресурсы и избегать их истощения.

Не менее важной особенностью хозяйства была его безотходность. Практически всё, что давало животноводство — мясо, молоко, шерсть, кожа, кости — находило применение, снижая зависимость от внешних ресурсов [1, с. 64]. Производились удобные для кочевой жизни и длительного хранения продукты: сушёное мясо, курт, топлёное масло, войлок [2, с. 42]. Особое место занимал войлок как экологичный и универсальный материал, позволявший создавать прочные и мобильные конструкции без значительных затрат древесины [14, с. 112]. Широкое использование кожи и костей также формировало материальную культуру с минимальной нагрузкой на окружающую среду [14, с. 115].

Таким образом, кочевая мобильность выступала основой хозяйственной и экологической адаптации казахов к условиям степной зоны. В ситуации неравномерного роста травостоя, зависимости от природных факторов и угрозы джута именно регулярные перекочёвки обеспечивали рациональное использование пастбищ и сохранение их продуктивности. Сезонная система из четырёх звеньев: «көктеу - жайлау - күзеу - қыстау» представляла из себя чёткое взаимодействие с природой. Сочетание вертикальной, так и горизонтальной мобильности позволяло использовать различные природные зоны, снижать нагрузку на пастбища и уменьшать последствия сурового климата. Важную роль играла и социальная взаимопомощь.

Дополнительные виды деятельности - охота, рыболовство, земледелие и переработка ресурсов – усиливали хозяйственную систему. Рациональное использование воды, продуманная организация перекочёвок формировали модель природопользования в которой имелось место для бережного отношения к окружающей среде.

Кочевое хозяйство казахов можно рассматривать как сложную и гибкую систему выживания. Оно обеспечивало существование общества в условиях ограниченных ресурсов. Этот исторический опыт демонстрирует, что устойчивое взаимодействие человека и природы возможно при глубоком уважении к самой сути природы, а также в бережном использовании её ресурсов.

Литература:

1. Марков Г.Е. Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. Изд. 2-е испр. –М.: КРАСАНД, 2010. – 320 с.
2. Муқанов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. – Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1974. – 200 с.
3. Народы Средней Азии и Казахстана / Под ред. С.П. Толстова, Т.А. Жданко, С.М. Абрамзона, Н.А. Кислякова / ИЭ АН СССР. – Т. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 783 с.

4. Народы России. Киргизы: [этнографические очерки] // Досуг и дело. – Санкт-Петербург, 1879. – 58 с.
5. Алимбай Н., Муканов М.С., Аргынбаев Х. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории. – Алматы: Ғылым, 1998 – 234 с.
6. Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX - начало XX в.). – Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1968. – 255 с.
7. Казахи / отв. ред. С. Е. Ажигали, О. Б. Наумова, И. В. Октябрьская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т археологии и этнографии Сибирского отделения РАН; Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева. – М.: Наука, 2021. – 846 с.
8. Казахи: историко-этнографическое исследование / Редактор Г.Е. Тайжанова. – Алматы: Казахстан, 1995. – 352 с.
9. Народы Востока: Изд. Политотдела Туркфронта. - Самара: Тип. Политотдела Туркфронта, 1919. – 24 с.
10. Артыкбаев Ж.О. Казахское общество в XIX веке: традиции и инновации. – Караганда, 1993. – 330 с.
11. Потанин. Г.Н. Сибирские казаки // Живописная Россия. Т. XI. - СПб.: Издание товарищества М.О. Вольф, 1884. - С. 107-116.
12. Завалишин И.П. Описание Западной Сибири. Сибирско-киргизская степь. – М: Изд. общества распространения полезных книг, 1867. – Т. 3. – 145 с.
13. Катанаев Г.Е. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. – Омск: Типогр. Окр. Штаба. 1904. – 168 с.
14. Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. - Алматы «Социнвест» – Москва «Горизонт», 1995. – 320 с.

Чайка Д.Х., Карагандинский национальный исследовательский университет имени академика Е.А.Букетова, экономический факультет, гр. П-24, студентка
(*Научный руководитель — магистр социологии, старший преподаватель Карасева Н.В.*)

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОСВЕДОМЛЁННОСТЬ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ КАРНИУ ИМЕНИ АКАДЕМИКА Е.А. БУКЕТОВА)

В условиях масштабной политической модернизации Республики Казахстан изучение общественно-политической осведомлённости молодёжи становится приоритетной задачей. Студенчество как наиболее динамичная и интеллектуально активная социальная группа играет ведущую роль в текущих и будущих общественных процессах, составляя значительную долю электората. Однако, как отмечают исследователи, современная молодёжь Казахстана зачастую занимает позицию «наблюдателя», не проявляя высокой готовности к прямому участию в деятельности официальных политических институтов [1, с. 1].

Значимость выбранной темы исследования определяется необходимостью выявления уровня общественно-политической грамотности студенческой молодёжи, степени её интереса к государственным и политическим процессам, а также готовности к участию в электоральных практиках, в частности в референдуме по проекту Новой Конституции, назначенном на 15 марта. В Республике Казахстан молодёжная политика направлена на повышение гражданской активности, однако на практике фиксируются тренды к виртуализации политического участия и снижению интереса к официальным государственным институтам. Согласно актуальным данным, более 90% молодых казахстанцев дистанцированы от деятельности политических партий, что подтверждается в Концепции государственной молодёжной политики на 2023–2029 гг. [2, с. 15-16].

Формирование политических предпочтений напрямую зависит от образовательной среды. Высшее учебное заведение выступает не только как центр профессиональной подготовки, но и как важнейший институт политической социализации, где закладываются основы гражданской идентичности и правовой грамотности [3, с. 138]. В то же время, в межвыборный период наблюдается определенная трансформация электорального поведения: интерес к классическим формам участия снижается, уступая место цифровым форматам и социальным инициативам [4, с. 2].

Данное исследование направлено на понимание того, насколько студенты обладают общественно-политической грамотностью, интересуются государственными процессами и готовы участвовать в электоральных практиках, в частности в референдуме по проекту Новой Конституции.

Для изучения уровня общественно-политической информированности был проведён опрос обучающихся Карагандинского исследовательского университета имени академика Е.А. Букетова. В нём приняли участие 100 студентов бакалавриата и магистратуры, что позволило получить эмпирические данные о степени их общественно-политической осведомлённости и вовлеченности.

Сбор первичных данных осуществлялся с помощью дистанционных технологий через платформу Google Forms.

Анализ эмпирических данных, полученных в ходе опроса обучающихся Карагандинского исследовательского университета имени академика Е.А. Букетова, позволил выявить ряд ключевых тенденций, характеризующих уровень гражданской зрелости и информационной культуры современного студенчества.